

Чекмаева Наталья Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, Москва. ORCID: 0000-0002-9292-9153, SPIN-код: 5116-0988, AuthorID: Y-2363-2018.

Электронный адрес: n.chekmaeva@ya.ru

Natalia A. Chekmaeva

Ph.D. of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of linguistics and translation studies, Moscow City University, Moscow. ORCID: 0000-0002-9292-9153, SPIN-code: 5116-0988, AuthorID: Y-2363-2018.

E-mail address: n.chekmaeva@ya.ru

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАГРАФИЧЕСКОГО ЗНАКА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аннотация. Проведен анализ коммуникативно-прагматического потенциала метаграфического знака курсива в переводческой перспективе на материале художественного произведения. *Актуальность* темы обусловлена современным статусом метаграфемы как особого канала передачи информации, причем функциональная нагруженность данного канала в различных языках не совпадает, поэтому изучение текста как семиотической системы, нагруженной вербальными и невербальными компонентами, представляется значимым и определяет поставленную цель – провести сопоставительный анализ механизма функционирования метаграфического знака в современном художественном дискурсе. *Эмпирическую базу* исследования составляют высказывания, содержащие курсивные выделения в тексте оригинала. Осуществлен анализ перевода данных высказываний на русский язык, выводы подкреплены статистически. Основным *методом* исследования является контент-анализ, предполагающий количественную обработку полученных данных и их последующую качественную интерпретацию. Полученные *результаты* позволяют говорить о широком спектре применения курсива в современной литературе, причем функциональная нагрузка выделенного таким образом сегмента отвечает различным коммуникативным задачам (от создания иллюзии интимизации повествования до эффекта полифоничности, что синергетически воздействует на читателя, делая текст более интерактивным). *Практическая значимость* заключается в возможности дальнейшего исследования курсива на материале других переводов выбранного романа (или других произведений автора), вносит вклад в изучение мультикодовых текстов в переводческой перспективе.

Ключевые слова: метаграфемы, невербальный знак, художественный дискурс, перевод, контент-анализ.

Для цитирования: Чекмаева Н.А. Коммуникативно-прагматический потенциал метаграфического знака в переводческой перспективе // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2025. № 4. С. 152–161. DOI: 10.18137/RNUV925X.25.04.P.152

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC STATUS OF A METAGRAPHIC SIGN: TRANSLATION PERSPECTIVE

Abstract. Within this paper the communicative and pragmatic *analysis* of a metagraphic sign, italics, through translation practices (in fiction) has been carried out. What makes the topic *relevant* is the current status of metagraphemics as a special means of information transmission. What is more, italics' functions are specific to different languages and only partly correlate, that is why investigating text as a semiotic system that unites both verbal and non-verbal means proves to be crucial and determines

the ultimate goal of this paper, which is to compare the chosen meta-graphic sign function in modern fictional discourse. The *empirical data* consists of sentences with italics in the English version of the novel under scrutiny. These sentences were analysed in the Russian translation as well, the results are statistically verified. The research is based on the content analysis with its focus on both qualitative and quantitative evaluation. The *results* obtained argue for impressive communicative and pragmatic potential of italics in modern fiction, specifically, the ability to reveal different communicative intentions (from making the narrative more intimate to creating the polyphonic effect – these factors act synergistically together to engage the reader and forge interactive mode of decoding information while reading). The results contribute to further research of italics (in other translated versions, or novels) and multicode texts research form a translation point in general.

Keywords: meta-graphemics, non-verbal sign, fictional discourse, translation, content-analysis.

For citation: Chekmaeva N.A. (2025) Communicative and pragmatic status of a meta-graphic sign: Translation perspective. *Vestnik of Russian New University. Series: Man in the Modern World*. No. 4. Pp. 152–161. DOI: 10.18137/RNU.V925X.25.04.P.152 (In Russian).

Введение

В настоящем исследовании предпринята попытка дать описание метаграфическому знаку курсиву как объекту лингвистического изучения в переводческой перспективе с точки зрения его особого коммуникативно-прагматического потенциала в современном художественном дискурсе. Материалом исследования послужил роман британского писателя Д. Митчелла *Black Swan Green* и его перевод на русский язык «Под знаком черного лебедя», выполненный Т.П. Боровиковой (рассматривается издание, опубликованное в 2020 году издательством «Иностранка»).

Актуальность предпринятого исследования обусловлена рядом факторов, среди которых выделим устойчивый интерес к изучению механизмов коммуникации в контексте мультимодального характера ее протекания [1–3]; потребность во всестороннем анализе категории метаграфемы, что вызвано широким применением метаграфематических средств в различных типах дискурса [4; 5]. Помимо этого особый интерес вызывает передача метаграфических средств при переводе с одного языка на другой, что обусловлено разным функциональным статусом данных средств и, как следствие, раз-

ной плотностью их присутствия в тексте оригинала и перевода, что подтверждают результаты предпринятого исследования.

Объектом исследования послужил метаграфический знак курсив как средство, формирующее эмоционально-экспрессивный и коммуникативный центр высказывания.

Предметом исследования являются варианты использования внутрифразового курсива в современном англоязычном художественном дискурсе в переводческой перспективе.

Цель настоящего исследования заключается в коммуникативно-прагматическом (в сопоставительном ключе) анализе механизмов функционирования курсива в англоязычном художественном дискурсе и анализе способов передачи акцентированного слова на русский язык.

Методологию предпринятого исследования определяют положения, связанные:

- с изучением мультикодового текста в семиотическом ключе [6–8];
- введением термина *метаграфема* и ее постулирование в качестве информационного канала и текстообразующего средства особого типа, участвующего в коммуникативно-динамической организации текста [3; 7];

- рассмотрением метаграфем как особого средства создания диалогового режима коммуникации [5; 9; 10];
- представлениями о разном функциональном статусе метаграфических средств в языках различного типа, что влияет на текст, получаемый в результате перевода [11–14].

В качестве *методов* исследования используется сопоставительный анализ с целью выявления сходств и различий при передаче коммуникативно-прагматического потенциала метаграфического знака. Был проведен контент-анализ, в рамках которого были отобраны высказывания, содержащие выделения курсивом (в английской версии романа), далее – статистический подсчет и дальнейшая качественная интерпретация полученных данных (с учетом анализа перевода отобранных высказываний). *Эмпирическая база* исследования составляет 150 высказываний, отобранных вручную целенаправленно (из выборки исключались примеры, содержащие названия книг / фильмов и т. п., выделенные курсивом, так как они не являются фокусом настоящего исследования).

Лингвистическая интерпретация метаграфических средств

Как отмечается, «метаграфематические средства как инструменты формального варьирования текста (и результат такого варьирования) получают некоторую семантическую интерпретацию, которая может быть очень разнообразной» [3, с. 9]. Таким образом, исследовательский интерес к данной категории средств мотивирован отсутствием строгой кодификации их применения. Так, как далее замечают А.Н. Баранов и П.Б. Паршин, постановка прописных букв регулируется некоторыми правилами, в то время как использование курсива, разрядки практически не регламентируется [3].

Такой функциональный статус метаграфемы приводит к тому, что реципиент письменного сообщения сам вправе толковать сообщение отправителя, основываясь на фактах известной ему семиотической системы [7]. Такое положение дел говорит по большей части о гипотетической интерпретации невербальных средств в процессе декодирования смысла, заложенного отправителем сообщения [7], что особенно релевантно при анализе художественного произведения. Сказанное при этом не означает неконтролируемость восприятия информации отправителем, напротив, как поясняет Н.А. Шубина, «в рамках конкретного текста происходит некая самоорганизация вербальных и невербальных компонентов, что делает текст семиотической системой с упорядоченными компонентами» [7, с. 189]. Иными словами, автор сообщения, вводя в повествование различные графические средства, должен предусмотреть возможность их корректной интерпретации адресатом, в противном случае вероятен риск возникновения так называемой «коммуникативной неудачи».

Помимо этого использование метаграфематических средств различается в разных письменных традициях [3]. Так, например, в английском языке *курсив* используется в основном для усиления или противопоставления, а также для оформления названий книг, фильмов, журналов и проч.; для выделения иностранных слов, еще не ассимилированных в языке [15]. В русском языке функциональная нагрузка в ряде случаев совпадает с английским, но исследователей интересует в первую очередь, конечно, способность данного графического средства становиться не только эмоционально-экспрессивным центром высказывания, но и коммуникативным (см., например, [5]).

С позиции коммуникативного подхода к анализу метаграфических средств Г.У. Фа-

улером были предложены следующие значения курсива, релевантные для читателя:

- 1) смысл высказывания содержится в выделенном слове, а не в самом высказывании;
- 2) выделенное слово употребляется в отличном от ожиданий читателя смысле;
- 3) данные слова противопоставлены друг другу;
- 4) при произнесении высказывания интонационный акцент находился бы на выделенном слове;
- 5) выделенное слово требует приложения дополнительных усилий, чтобы стал понятен весь смысл сказанного [10, р. 313] (перевод наш. – НЧ.).

Частотность оформления курсивом того или иного слова в англоязычной письменной речи во многом обусловлена устной традицией интонационного выделения коммуникативного центра высказывания. В языках романского типа, напротив, ядро высказывания чаще всего выявляется с помощью порядка слов. Подобная разница приводит к тому, что переводчики нередко отказываются от графического выделения в пользу иных средств маркирования центра высказывания в соответствии с правилами переводного языка: “Another reportedly common feature of translation is conservatism: compared to non-translated texts, translations tend towards textual conventionality, favouring those uses that are clearly sanctioned by the target text conventions” (Цит. по: [13, с. 430]).

Как отмечает Л.И. Еремина, «графика выступает как одно из средств усиленной, “подчеркнутой” актуализации слова в тексте, как средство выявления “внутренне диалогических отношений” между графически выделенным словом и остальным текстом. Перед нами – форма остранения слова на фоне графически нейтрального контекста» [9, с. 25]. Так, например, обращает на себя многозначность семантики

кавычек, которая характеризуется парадоксальностью, в частности, кавычки могут передавать информацию о том, что говорящий пользуется «чужим» словом (в этом плане у кавычек есть сходство с курсивом, которым также в ряде случаев маркируется вкрапление «чужого» слова: «У Некрасова есть стихи о том, как мужик сечет лошадь кнутом по глазам, по “кротким глазам”» (Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы»). Важно подчеркнуть при этом, что высказывания, содержащие закавыченный фрагмент, направлены не на передачу чужого слова, а на передачу «чужого смысла» [16, с. 47]; и, напротив, такая форма выражения присуща только говорящему: «Так что все в порядке. “Потолок” имеется. Пламенный привет молодым людям, переделывающим свои характеры» (М.М. Зощенко, «Голубая книга») [8, с. 495] (примеры наши. – НЧ.). Разграничение спектра значения кавычек требует опоры на контекст и общей культурологической подготовки.

Обращает на себя внимание особый случай употребление курсива – **внутрисловный курсив**. Так, внутри слова курсивом может выделяться отдельная буква, отдельный слог, морфема. Как отмечает Е.А. Губина [4], внутрисловный курсив целесообразно рассматривать с точки зрения его функциональной нагруженности. Часто внутрисловным курсивом маркируется ударение в слове для правильности прочтения. В настоящее время, как замечено автором цитируемой работы, случаи курсивного выделения ударения в слове конкурируют с традиционным оформлением – акцентом. Курсив в данной функции свойственен английской письменной речи – выделяется слог (подобный прием частотен в прозе Дж. Сэлинджера), который является закономерным для данного языка, так как ударение может передаваться не одной буквой, как это принято в русском языке, а их со-

четанием в случае, например, с дифтонгом. Примечательно, что курсив также используется в английском языке для указания на особенности речи (как правило, дефекты). Данный графический прием особенно частотен в художественной литературе [4].

В целом курсивное выделение может применяться в разных сферах письменной речи и быть мотивировано разными коммуникативными установками говорящего. Обратимся к исследуемому материалу.

Результаты

В центре повествования романа «Под знаком черного лебедя» – тринадцатилетний британский мальчик-подросток Джейсон Тейлор, страдающий от запинания, что его очень беспокоит: “God knows what job I’m going to be able to do. Not a lawyer, that’s for sure. You can’t stammer in court. You can’t stammer in a classroom, either. My students’d crucify me”. – «Одному Богу известно, какую работу смогу делать я. Адвокатом мне не быть, это точно. В суде не позапинаешься. В классе – тоже. Если я стану учителем, ученики меня просто распнут». В этом возрасте подростку, особенно мальчику, живущему в небольшой английской деревеньке, важно утвердиться (например, через музыкальные предпочтения (подробнее см. [17]), занять достойное место в иерархии среди ровесников, поэтому переживания героя относительно его «недуга» нередко характеризуются повышенной эмоциональностью, что передается графически посредством курсивных выделений – чаще всего слов в составе высказывания.

Книга разбита на тринадцать глав, в которых описаны события из жизни героя, разворачивающиеся в 1982 году. Каждая глава представляет собой законченный рассказ. По сути перед нами роман взросления, где главный герой пытается осмыслить не

только положение дел в собственной семье (развод родителей, ссоры с сестрой) и его окружении (непростые отношения с одноклассниками, вынужденность скрывать писательский талант из-за страха быть осмеянным, отчаянное желание «быть как все»), но и в стране – одна из глав касается Фолклендской войны между Британией и Аргентиной, где у Джейсона проявляется своя точка зрения на происходящее.

Следует отметить применение разнообразных супраграфических (курсив, шрифтовое варьирование) и топографических средств (аранжировка текста) в романе, что являет собой уникальное сочетание вербального и визуального кода, требующего изучения. Так, в тексте романа встречаются дневниковые записи Джейсона, написанные как бы его рукой, что позволяет глубже изучить внутренний мир героя, его переживания и мысли, сблизиться с ним; заметки, оставленные его мамой; газетные вырезки. Все это в совокупности делает роман интерактивным и позволяет читателю ощутить реальность происходящего, то есть способствует большему вовлечению в повествование.

Название каждой главы романа оформлено курсивом, который также чрезвычайно частотен в самом тексте, – в англоязычной версии курсив употребляется 2770 раз, в переводе – 477. Следует отметить, что курсивом выделяются фрагменты не только в речи Джейсона, но и в речи всех героев. Анализ эмпирической базы исследования позволяет заключить, что чаще всего курсив встречается в моменты эмоционального напряжения героев, причем таким образом передаются диаметрально противоположные эмоции – от раздражения (*Julia still hadn’t appeared. “I’ll be down in a minute!” she’d hollered, twenty hours ago.* – «Джулия так и не вышла. Только прокричала сверху, уже двадцать часов назад: “Сейчас иду!”»)

до восторга (*“Excellent! Brilliant! Fantastic! I was going to chuck you if you’d failed, of course. Can’t have a boyfriend who can’t drive.”* – «Здорово! Отлично! Потрясно! Если бы ты не сдал, я бы, конечно, тебя бросила. Зачем мне бойфренда, который не умеет водить?»).

Как и практически любому подростку, переживающему кризис переходного возраста, Джейсону свойственен пессимистичный и саркастичный настрой. Чувство страха, связанное с тем, что ему не удастся побороть недуг и найти свое место в жизни, проявляется зачастую в его внутренней речи. С помощью курсива акцентируется внимание читателя на негативных эмоциях, которые переживает герой, причем в переводной версии романа курсивные выделения в большинстве случаев снимаются (в 70 % от общей выборки): *“Dark, Light, Dark, Light, Dark, Light. The Datsun’s wipers couldn’t keep up with the rain, not even at the fastest setting.”* – «Тьма, свет, тьма, свет, тьма, свет. Дворники “датсуна” даже на максимальной отметке не справляются с дождем».

Помимо ухода от выделения слова в составе высказывания, в тексте перевода происходит замена курсива на иные средства, что составляет 26 % от общей выборки. Так, например, курсив заменяется на кавычки: *“Do not set foot in my office”* – «Ко мне в кабинет – ни ногой»; восклицательный знак: *“Boys,”* warned Aunt Alice. – «–Мальчики! – предостерегающе произнесла тетя Алиса». Курсивом может быть выделено другое слово: *“Something, something, had to be done about the catastrophe of the smashed watch.”* – «Я должен, должен что-то сделать, исправить катастрофу с часами»). В некоторых случаях происходит перегруппировка семантических компонентов высказывания: *“God, I could shoot him!”* – «Боже, я готова была **его убить!**» и выделение

коммуникативного центра за счет добавления рематизаторов: *“I just can’t get my herbs to thrive.”* – «У меня зелень **вообще** не растет» (выделено нами. – Н.Ч.). В переводной версии романа случаи «сохранения» выделения слов курсивом составляют лишь 4 % от общей выборки.

В процессе перевода с целью достижения адекватности переводчик (и все причастные к изданию текста специалисты) безусловно «влияет» на текст, принимая решение относительно передачи тех или иных языковых и графических средств, руководствуясь нормами языка, на который осуществляется перевод. Как представляется, снижение количества курсивных выделений в переводной версии романа может ослабить воздействие на читателя, предполагаемое его автором. Курсив служит, с одной стороны, сигналом о свертывании (со стороны автора) и, с другой стороны, развертывании информации (со стороны читателя). Иными словами, с помощью данного метаграфического знака передается имплицитная информация, подлежащая расшифровке.

Роман «Под знаком черного лебедя» является своего рода «криком» души подростка, что ощущается не только посредством слов, но и графически. Проблемы с произношением букв английского алфавита заставляют Джейсона подбирать синонимы и искать различные языковые средства для выражения мысли. В оригинальной версии романа подросток испытывает наибольшие трудности при произнесении букв S и N, причем в русскоязычной версии романа «проблемными» буквами становятся «C» и «П»: *“Look at any dictionary and see which section’s the thickest: it’s S. Twenty million words begin with N or S. < ... > my biggest fear is if Hangman gets interested in J-words, ’cause then I won’t even be able to say my own name. I’d have to change my name by deed*

poll, but Dad'd never let me". – «Загляните в любой словарь: слов на «П» там больше всего. На «П» и «С» начинаются в общей сложности двадцать миллионов слов. < ... > я больше всего боюсь, что Вешатель заинтересуется словами на «Д», потому что тогда я даже свое собственное имя перестану выговаривать. Придется официально менять имя по документам, но папа мне этого никогда не позволит».

Рассмотрим следующий пример, в котором также произведена замена «проблемной» *N* в английском языке на «проблемную» *C* в русском переводе: "The word "nightingale" kaboomed in my skull but it just wouldn't come out. The *n* got out okay, but the harder I forced the rest, the tighter the noose got". – «Слово "соловей" билось у меня в черепе, но никак не вылезало. Я сказал "с", но чем сильнее выдавливал из себя остальное, тем сильнее затягивалась петля». Подобная замена в переводе представляется в целом оправданной, так как буква «С» в русском языке относится к труднопроизносимым. Более того, образ «соловья» как символа красноречия, характерен обоим лингвокультурам: *A poet is a nightingale* (P. Shelley, *Defense of Poetry*), *слово молвит – соловей поет* (русская пословица), поэтому он выбран автором не случайно, именно невозможность произнести слово «соловей» на уроке становится поворотным этапом осознания Джейсоном проблемы запинания. Запинка в этом слове имеет особое значение, так как герой пишет стихи (публикует их под псевдонимом из-за страха быть высмеянным одноклассниками), что говорит о любви к «словам» и при этом невозможности произнести некоторые из них без волевого усилия.

Курсивом в романе также маркированы реплики Вешателя (Hangman) и Нерожденного Близнеца (Unborn Twin). Вешатель – персонифицированный образ

«недуга» Джейсона: "I imagine him in the baby room at Preston Hospital playing *eeny, meeny, miney, mo*". – «Я представил себе, как он стоит над новорожденными младенцами в Престонской больнице и водит пальцем, бормоча считалочку, – выбирает себе добычу». Джейсон запинаясь не всегда, во второй главе, озаглавленной "Hangman" / «Вешатель», он делится тем, как жизнь его разделилась на «до» прихода Вешателя и «после». С тех пор как Джейсон стал запинаясь, он вступил в личную борьбу с Вешателем и даже сформулировал заповеди Вешателя (в книге они оформлены в виде личной дневниковой записи от руки).

Нерожденный Близнец – альтер эго главного героя, более смелый, подначивающий Джейсона на решительные, как правило, дерзкие поступки. Слова Близнеца также маркируются курсивом: "I *should've been born*, hissed Unborn Twin, *not you, you cow*". – «"Это я должен был родиться, а не ты, поганая корова", – прошипел Нерожденный Близнец».

Реплики Вешателя и Нерожденного Близнеца являются проявлением квазидialogа и позволяют сделать выводы относительно неустойчивого психоэмоционального состояния героя – его страхов и сомнений, неуверенности в себе. Маркированность данных реплик служит сигналом об отстранении героя от собственных мыслей, о влиянии «внешней» силы на обстоятельства («это не мои слова»). Мальчик стал «жертвой» Вешателя и должен его победить.

Выводы

Таким образом, коммуникативно-прагматический анализ курсива как особого метаграфического знака в переводческой перспективе в художественном дискурсе позволяет сделать ряд выводов. Прежде

всего, обращает на себя внимание разнообразная функциональная нагрузка выделения слова в составе высказывания. В исследуемом романе показан фрагмент из жизни подростка, пытающегося осмыслить происходящее и свое место в мире. Роман эмоционален, что ощущается не только посредством специальной комбинации языковых средств, но и графически. Курсив имеет сходство с рукописным написанием, что позволяет в некоторых случаях создать иллюзию интимизации повествования, например, когда автор «предоставляет доступ» ко внутренней речи героя; эффект полифонии (реплики Вешателя и Нерожденного Близнеца). Подобная выделенность слова побуждает читателя занять более активную позицию в интерпретации коммуникативной задачи автора.

Сопоставительный контент-анализ англоязычной и русскоязычной версии романа на предмет курсивного выделения показал, что в переводной версии чаще всего от курсива отказываются (70 %), в 26 % случаев происходит замена курсива на другие графические или языковые средства; также может происходить перегруппировка семантических компонентов высказывания; в 4 % случаев курсив сохраняется. Причем, как показывает анализ эмпирической базы, выявление принципа отказа, замены или сохранения курсива не всегда представляется возможным: чаще всего курсив заменяется на кавычки в случае передачи прямой речи, в остальном выбор передачи данного метаграфического знака скорее произволен и в целом подчиняется нормам переводного языка.

Литература

1. Suleimanova O.A., Fomina M.A., Chekmaeva N.A. QR codes on Moscow Sites: Invisible Visibility, or Keeping Pace with the Changes? // *Visual Anthropology*. 2023. № 36 (1). Pp. 23–37. DOI: 10.1080/8949468.2023.2168958. EDN OTSNDNC.
2. Чернявская В.Е. Типографика как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2023. № 2 (36). С. 50–73. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73. EDN OQFRMN.
3. Баранов А.Н., Паришин П.Б. О метаязыке описания визуализаций текста // *Вестник Волгоградского университета. Серия 2: Языкознание*. 2018. Т. 17. № 3. С. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.1>. EDN VMXGFM.
4. Губина Е.А. Внутрисловный курсив как особый графический прием (на материале русских и английских письменных текстов) // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2019. Т. 10. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK419.pdf> (дата обращения: 25.07.2025). EDN XZAZQA.
5. Михеев М.Ю. Средства выделения слова: повтор, кавычки, курсив // *Моно-, диалог, полилог в разных языках и культурах* / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2010. С. 278–295. ISBN 987-5-91674-092-1.
6. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 592 с. ISBN 5-86793-194-3.
7. Шубина Н.А. Невербальная семиотика печатного текста как область лингвистического знания // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена*. 2009. № 97. С. 184–192. EDN KJBLAX.
8. Зализняк А.А. Русская семантика в типологической перспективе. М. : Языки славянских культур, 2013. 640 с. ISBN 978-5-9551-0692-2.

9. Еремина А.И. Графические средства в художественной системе Льва Толстого // Вопросы языкознания. 1978. № 5. С. 25–35.
10. Fowler H.W. A Dictionary of Modern English Usage. Oxford : Clarendon Press, 1965. 725 p. ISBN 0-19-869115-7.
11. Schopp J.F. The Typographic Competence of the Translator: Visual Text Design and Desktop Publishing // Proceedings of the XIV World Congress of the Fédération Internationale des Traducteurs (FIT). Vol. 1. Melbourne : Australia, 1996. Pp. 189–193.
12. Šlancarová D. On The Use Of Italics In English And Czech // Brno Studies in English. 1999. Vol. 25. No. 1. P. 59–73. URL: <https://hdl.handle.net/11222.digilib/104496> (дата обращения: 20.07.2025).
13. Saldanha G. Emphatic Italics in English Translations: Stylistic Failure or Motivated Stylistic Resources? // Meta. 2011. Vol. 56. No. 2. Pp. 424–442. DOI: 10.7202/1006185ar
14. Lukl J. Emphatic italics and the information structure of a prose text // Cognitive Linguistic Studies. 2020. Vol. 7. No. 2. Pp. 381–415. DOI: 10.1075/cogls.00062.luk
15. Trask R.L. Penguin Guide to Punctuation. Penguin UK, 2004. 176 p. ISBN 9780140513660.
16. Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис / Ред. Т.В. Булыгина. М. : Наука, 1992. С. 40–52. EDN VSTEYO.
17. Afanasjeva O.V., Baranova K.M., Chupryna O.G. Precedent Phenomena as Symbols of Cultural Identity in YA Fiction // Tareva E., Bokova T.N. (Eds.) Dialogue of Cultures – Culture of Dialogue: From Conflicting to Understanding : European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 95. London : European Publisher, 2020. Pp. 1098–1106. DOI: 10.15405/epsbs.2020.11.03.116

References

1. Suleimanova O.A., Fomina M.A., Chekmaeva N.A. (2023) QR codes on Moscow Sites: Invisible Visibility, or Keeping Pace with the Changes? *Visual Anthropology*. Vol. 36. No. 1. Pp. 23–37. DOI: 10.1080/8 949 468.2023.2 168 958.
2. Chernyavskaya V.E. (2023) Typography as social index: Soviet landscape in the modern Russian discourse. ПРАΞΗΜΑ. *Journal of Visual Semiotics ("PRAXEMA")*. No. 2 (36). Pp. 50–73. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73 (In Russian).
3. Baranov A.N., Parshin P.B. (2018) Towards the Metalanguage for Describing Text Visualizations. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. Vol. 17. No. 3. Pp. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.1> (In Russian).
4. Gubina E.A. (2019) Intraluminal italics as a special graphic technique (based on Russian and English written texts). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. Vol. 10. No. 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK419.pdf> (accessed 12.07.2025). (In Russian).
5. Mikheev M.Yu. (2010) *Sredstva vydeleniya slova: povtor, kavychki, kursiv*. In: Arutyunova N.D. (Ed) *Mono-, dia-, polilog v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Mono-, dia-, polilog in different languages and cultures]. Moscow : Indrik Publ. Pp. 278–295. ISBN 987-5-91674-092-1. (In Russian).
6. Kreidlin G.E. (2002) *Neverbal'naya semiotika. Yazyk tela i estestvennyi yazyk* [Non-verbal semiotics. Body language and naturally occurring speech]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie Publ. 592 p. ISBN 5-86793-194-3. (In Russian).
7. Shubina N.L. (2009) Text's non-verbal semiotics: Field of linguistic knowledge. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. No. 97. Pp. 184–192. (In Russian).

8. Zalizniak A.A. (2013) *Russkaya semantika v tipologicheskoi perspective* [Russian semantics from a typology perspectives]. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. 640 p. ISBN 978-5-9551-0692-2. (In Russian).
9. Eremina L.I. (1978) Graphic means in Leo Tolstoy fiction system. *Voprosy Jazykoznanija* [Problems of Linguistics]. No. 5. Pp. 25–35. (In Russian).
10. Fowler H. W. (1965) *A Dictionary of Modern English Usage*. Oxford : Clarendon Press. 725 p. ISBN 0-19-869115-7.
11. Schopp J.F. (1996) The Typographic Competence of the Translator: Visual Text Design and Desktop Publishing. In: *Proceedings of the XIV World Congress of the Fédération Internationale des Traducteurs (FIT)*. Vol. 1. Melbourne : Australia, 1996. Pp. 189–193.
12. Šlancarová D. (1998) On the Use of Italics in English and Czech. *Brno Studies in English*. 1999. Vol. 25. No. 1. Pp. 59–73. URL: <https://hdl.handle.net/11222.digilib/104496> (accessed 20.07.2025).
13. Saldanha G. (2011) Emphatic Italics in English Translations: Stylistic Failure or Motivated Stylistic Resources? *Meta*. Vol. 56. No. 2. Pp. 424–442. DOI: 10.7202/1006185ar
14. Lukl J. (2020) Emphatic italics and the information structure of a prose text. *Cognitive Linguistic Studies*. Vol. 7. No. 2. Pp. 381–415. DOI: 10.1075/cogls.00062.luk.
15. Trask R.L. (2004) *Penguin Guide to Punctuation*. Penguin UK. 176 p. ISBN 9780140513660.
16. Arutyunova N.D. (1992) Speech and behaviour patterns in the reflection of other's speech. In: Bulygina T.V. (Ed) *Chelovecheskii faktor v yazyke. Kommunikatsiya. Modal'nost'. Deiksis* [Human aspect in language. Communication. Modality. Deiksis]. Moscow : Nauka Publ. Pp. 40–52. (In Russian).
17. Afanasjeva O.V., Baranova K.M., Chupryna O.G. (2020) Precedent Phenomena as Symbols of Cultural Identity in YA Fiction. In: Tareva E., Bokova T.N. (Eds.) *Dialogue of Cultures – Culture of Dialogue: From Conflicting to Understanding : European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. Vol. 95. London : European Publisher, 2020. Pp. 1098–1106. DOI: 10.15405/epsbs.2020.11.03.116

Поступила в редакцию: 26.08.2025

Received: 26.08.2025

Поступила после рецензирования: 22.09.2025

Revised: 22.09.2025

Принята к публикации: 09.10.2025

Accepted: 09.10.2025